

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК

**Вот жизнь человека:
в двадцать лет — павлин,
в тридцать — лев,
в сорок — верблюд,
в пятьдесят — змея,
в шестьдесят — собака,
в семьдесят — обезьяна,
в восемьдесят — ничто...**

Ему там

не одиноко

Вер. Москва. — 1998. — 25 авг. — с. 8

Эта интересная мысль родилась в схоластической душе далеко не юного натуралиста, писателя, философа-моралиста, ректора иезуитского колледжа Бальтасара Грасиана на заднем дворе Европы, в Испании, три века назад и прискакала в Россию не на измученном Дон-Кихотом в поисках истины доходяге Россинанте, а на сером ослике, исколоченном грязными пятками его верного оруженосца Санчо Пансы.

А теперь посмотрите на фотографию юного Юры Никулина, чтобы убедиться, что в двадцать лет он был далеко не павлин и что эта зоологическая метафора имеет к нему весьма приблизительное отношение, ибо совсем не в истощенные шестьдесят, а в полновесные сорок его Балбес был похож на собаку в «Псе Барбосе и необычном кроссе», а Кузьма Кузьмич Иорданов — на «корабль пустыни», правда, на подорванного алкоголизмом верблюда с человеческим лицом. Но что за диалог звучал с экрана...

— Знаешь, Наташа... я ведь не отец твой.

— Ну, ну, говори, кто же ты?

— Прохвост — вот кто, жулик. Услышал как-то, что живет, мол, Наташа, одинокая. Дай, думаю, пристроюсь...

— Ну и силен ты врать... Ну зачем тебе это надо?.. Я, как сейчас, тебя помню, с тех пор еще...

— С каких?

— Когда... деревья были большими.

А дальше (и это совсем не смешно, хотя настоящую драму Льва Кулиджанова легкомысленно называли комедией) непрошенной слезой застилал глаза ответ, за который этого человека любила вся Россия, страна бездонного чувства, стихии, порыва и великих страстей, где одержимые ими жители каялись с такой самоотдачей, с какой неспособны были грешить.

— Соврал я. Точно соврал.

— Зачем?

— Да сам не знаю. Дай, думаю, совру. А зачем... никому неизвестно.

С 1958 года с пиротехника из «Девушки с гитарой» шел по экрану человек, который жил, «а зачем... никому неизвестно». И когда он умер, случилось столпотворение. А зачем?

Если мы поймем это, мы поймем самих себя.

На последней странице его книги «Почти серьезно...» вы споткнетесь о строчки, от которых «вот и сейчас как холодом подуло»: «Но порой мне снится страшный сон... Я работаю на манеже. Полно зрителей. Я делаю какие-то смешные трюки, много трюков, но никто не смеется... Кругом тишина. Я снова пытаюсь рассмешить людей. А они сидят словно каменные...».

Книга вышла в 1994 году. А в 1997-м 26 августа его хоронили.

Хочу засвидетельствовать, что его хоронили зрители совсем не из его сна. Прочитайте «зрители» без подтекста. Что бы он был без зрителей... Это ведь не он сделал их, а они сделали его. Наш человек в искусстве! Гениальное достижение, неподвластное пожеланию.

...Он любил освещенные закатным солнцем московские улицы. День был именно такой.

Фото из архива журнала «Искусство кино»

Новодевичье. Около пяти вечера. Толпа напротив ворот на той стороне улицы, как волна, накатывалась на железные загородки. Милиция с трудом сдерживает энергию масс...

Затрудняюсь сказать, во сколько народ нахлынул к этой прощальной пристани. Процались с ним целый день. Это были те, кто, вероятно, не попал больше никуда.

— Уже закопали? — чирикнул какой-то птенец над головой.

Когда «уже закопали» и важные персоны стали выходить к кавалькаде подъезжающего персонального транспорта, поклонники из толпы замахали выходящим с кладбища кумирам.

— Не в цирке! — сердито одернул их хмурый гражданин.

Действительно... а лучше б в цирке и живой.

В ногах ожидающих поглядеть на Никулина лежала молодая ладная овчарка с никулинскими глазами. Она бросила взгляд в небо и тут же опустила. На нее легла тень Дейка, безымянной для многих кинозвезды из фильма «Ко мне, Мухтар!», которая снималась в шесть лет, а в девять умерла от рака мозга, «потому что много думала», как объяснял покойный.

Около шести вечера к могиле Никулина стали пускать эту самую терпеливую в мире толпу, называ-

Фото из архива «ВМ»

емую простым народом, выстроив, как детей, по двое... с цветочками, котомками и водкой: И смотреть на гвоздики в натруженных руках было невольно: они шли по аллее некрополя, буквально заваленной раздавленными цветами...

Почти год спустя, 10 августа, в день похорон Шнитке, «последнего гения железного века», та же аллея в тот же час тоже была в цветах, но их можно мне пересчитать...

В чем секрет такого разнообразного поклонения народа своим кумирам? В идее, в теме, в жанре их искусства?

Нет, в степени похожести на самого себя, в подобии зеркала, в котором он узнает свои черты.

В новодевичью землю по левую руку от него следом лег Борис Брунов, по правую — Галина Уланова. Ему там не одиноко.

29 октября прошлого года одна из вершин Саянских гор в Восточной Сибири была названа именем Юрия Никулина. Высота ее пика — 1921 метр — удивительным образом совпала с годом его рождения. Кто поднимется на нее, попадет в райский сад и увидит там мальчика в кепке, с павианом, львом и собакой.